

- как структурные единицы благотворительности внутри местного сообщества в позднимперской России // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 174–175.
- ¹² Басов Н. Ф. Развитие благотворительности в Костромской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Проблемы изучения и преподавания истории социальной работы и благотворительности в России. М., 2003. С. 65.
- ¹³ Егорова Л. А. Благотворительная деятельность православных братств Костромской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 203–204.
- ¹⁴ Деревягина Т. Г. Благотворительная деятельность Православной церкви по распространению начального образования на селе : на материалах Тамбовской губернии (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 215.
- ¹⁵ Нечаев М. Г. Милосердие и благотворительность церкви на Урале // Милосердие и благотворительность в российской провинции : тез. докл. Всерос. конф. Пермь, 2002. С. 116.
- ¹⁶ См.: Осипова А. И. Миссионерская деятельность церковного братства преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, среди старообрядцев (Последняя четверть XIX – начало XX вв.) // Боровский краевед. Вып. 3. Боровск, 1991 ; Осипов В. И. Монастыри Калужской епархии перед Первой мировой войной // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 3. Киров, 1997 ; Трунина А. Н. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кольцово Ферзиковского района // Сквозь века... : материалы 2-й город. краевед. конф. Калуга, 1999 и др.
- ¹⁷ Зубанова С. Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 175–185.
- ¹⁸ Зубанова С. Г. Социальное служение православной церкви в XIX веке : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 27.
- ¹⁹ Штена А. В. Социальное служение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материале Калужской епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2005 ; Дойникова Н. А. Социальное служение Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (На материалах Вологодской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 ; Реутов В. В. Социальное служение Церкви в XX веке (На материалах Курской епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006 ; Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Смоленской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.
- ²⁰ См.: Берестова Е. М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003 ; Шуклина Л. А. Культурно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв. (По материалам Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005.
- ²¹ См.: Дойникова Н. А. Указ. соч. С. 68.
- ²² См.: Реутов В. В. Указ. соч. С. 165.
- ²³ Там же. С. 164–167.
- ²⁴ См.: Ивочкин Д. А. Указ. соч. С. 14–18.
- ²⁵ См.: Носова Т. А. Православные братства Волгоградской епархии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 19–21.
- ²⁶ См.: Гажва И. А. Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008.
- ²⁷ Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 22.
- ²⁸ Цысь О. П. Указ. соч. С. 23, 24.
- ²⁹ Берестова Е. М. Указ. соч. С. 16, 22.
- ³⁰ Берестова Е. М. Указ. соч. С. 21–22.
- ³¹ Есеева О. В. Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 18–22.
- УДК 94 (470.44) [1920/1930]+316.346–053.2 (470.44)

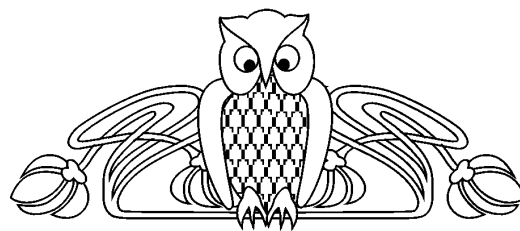
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В 1920–1930-е годы

Т. А. Соловьева

Саратовский государственный университет

E-mail: civilrus@mail.ru

Статья посвящена вопросам повседневной жизни Саратовского Поволжья. Автор анализирует условия жизни воспитанников детских домов, рассматривает степень оснащения детских учреждений продовольственными и хозяйственными товарами.

На основе архивных материалов и газет того времени воссоздается картина повседневной жизни детского дома.

Ключевые слова: детские учреждения, детский дом, беспризорность.

The Daily life of Inmates of Children's Homes of the Soviet Provincial City in 1920–1930-ies

T. A. Soloviova

The article is devoted to the problems of a daily life of the Saratov Volga Region. The author analyses the living conditions of inmates of children's homes. The author also examines the level of equipment of institutions of food and household goods. On the basis of archival material and periodicals of then-a-days the original picture of a daily life of a children's home is reconstructed.

Key words: child institutions, children's home, homeless children.

Первая мировая и Гражданская войны, голод начала 1920-х и 1930-х гг., тяжелое материальное положение населения, кризис нравственности, растущая безработица, репрессии и др. обусловили рост детской беспризорности в СССР.

Детские дома, создававшиеся в 1920-е гг., не были однотипными, а ориентировались на разные категории детей: для нормальных детей, для детей, выросших в антисоциальном окружении, для детей физически и умственно дефективных, для слабых и больных детей. На протяжении 1920-х гг. система детских учреждений постепенно приобретала довольно четкие очертания, и к концу десятилетия формально существовали только три категории детских домов: дошкольные детские дома, детские дома для учащихся, детские дома с профессиональным обучением. Кроме того, имелись трудовые колонии для трудновоспитуемых детей, а также детские дома лечебного и полулечебного типа и детские дома для инвалидов.

На самом деле существовало гораздо больше различных типов детских заведений, не подпадавших ни под одну из упомянутых категорий. Так, например, в некоторых населенных пунктах были детские городки, состоявшие из школы, интерната-общежития, мастерских, и школы-коммуны, существовавшие за счет труда своих воспитанников. В крупных городах создавались детские приемники-распределители, из которых дети, как правило, переходили затем в детский дом¹.

Система детских учреждений должна была способствовать воспитанию нового человека – активного строителя социализма, но тяжелое материальное положение детдомов приводило к тому, что они не выполняли возложенных на них задач. Наблюдались частые случаи бегства детей из детских домов «в манящий... омут жизни большого города»². Возможность «полакомиться на собранную милостыню», чувство свободы и независимости, новые впечатления делали уличную жизнь куда более интересной и привлекательной³.

Здания детских домов обычно не отапливались и в течение многих лет оставались без ремонта. В редком детдоме была более или менее пригодная мебель. В частности, детские учреждения Саратовского Поволжья имели «убогое» оборудование, в них «не хватало столов, скамей, кроватей, кухонной и столовой посуды, ... помещения

по сравнению с количеством детей были малы, требовали капитального и текущего ремонта»⁴.

Важным показателем степени оснащения детских домов и санитарно-педагогической обстановки являются данные о соответствии количества кроватей числу детей. На совещании при отделе культуры и пропаганды ленинизма Саратовского крайкома ВКП (б) в 1934 г. отмечалось, что саратовский приемник имел «малюсенькие» койки, на которых спали по 5–6 человек, и данный случай далеко не единичен⁵. Например, в детском доме г. Новоузенска две девочки вообще спали под кроватью⁶.

Воспитанники детских домов зачастую не имели достаточного количества одежды и обуви. В середине 1920-х гг. в Саратове Красный городок был снабжен обувью на 40%, одеждой и носильным бельем – на 37,5 %, а детские дома школьников могли обеспечить одеждой и обувью половину находившихся в них детей. Лучше всего снабжались дома для умственно отсталых детей. Так, процент обеспеченности их обувью и одеждой равнялся 100% и 70% соответственно⁷. Из-за недостатка обуви и пальто воспитанники не всегда имели возможность посещать школу⁸.

Рацион детских домов был весьма скудным, в нем отсутствовали жиры и сахар⁹. В начале 1920-х гг. государство установило суточные нормы питания для каждой губернии в зависимости от ее местных условий, но поток прибывавших сирот с середины 1921 г. ежедневно увеличивался, и продовольствия не хватало. Пайки приходилось дробить, так как они едва удовлетворяли 50% всех воспитанников детских учреждений. Настоящим подспорьем являлось иностранное питание и помощь различных шефских организаций. В начале 1920-х гг. саратовский Губвоенкомат, например, часть пайков, включавших муку, крупу, сахар и селедку, перечислял детским учреждениям¹⁰.

В 1930-е гг. вопрос питания в целом обстоял благополучно. Например, ежедневный рацион Петровской школы-интерната для глухонемых детей включал мясной суп, котлеты, белый хлеб, манную кашу и чай¹¹. В то же время отмечались случаи, когда педагогический персонал кормился за счет пайков своих воспитанников¹². Например, в Пудовкинском детском доме для умственно отсталых детей, находившемся в сельскохозяйственной зоне Саратова, на «отпущенную норму для 27 детей заведующим... Кузнецовым... было зачислено на довольствие 8–10 человек обслуживающего персонала», и «дети жили впроголодь на одном черном хлебе»¹³. Причем «произведенное расследование показало, что о положении в Пудовкинском детдоме хорошо было известно руководителям Собеса, которые отмахнулись от руководства детдома, допустив невыносимые условия содержания детей»¹⁴.

Заболеваемость в детских учреждениях оставалась на высоком уровне, особенно в 1920-е гг., так как не соблюдался принцип изоляции больных

детей от здоровых. В частности, в саратовских приемниках – очаге заразы – в середине 1920-х гг. жило 353 больных трахомой, 19 – венерическими болезнями, 62 – чесоткой, причем большая часть заболевших не была изолирована¹⁵. Рабочие корреспонденты сообщали, что в саратовском приемнике Губоно «дети голые спят на холодном полу, здоровые рядом с больными. Есть сифилитики. Одежды и посуды нет. Едят все из одной миски»¹⁶.

Среди детских домов Саратовского Поволжья самым образцовым учреждением считался саратовский «Красный городок», в отчетах которого сообщалось о том, что воспитанники «всегда сыты, одеты и обуты», «успеваемость 98%», «коллектив дружен и работоспособен»¹⁷.

Одному из директоров «Красного городка», В. И. Шутову, в 1930-е гг. «удалось принять на работу квалифицированный персонал, включая воспитателей, мастеров производственного обучения; даже заведующая бельевой была в прошлом костюмершей оперного театра. Устроив в детдоме мастерские, Шутов существенно улучшил материальную базу учреждения, которое во многом перешло на самообеспечение. Многие другие детские дома страны и области... характеризовались менее успешным руководством, условия содержания в них были хуже и квалификация работников ниже»¹⁸.

«Красный городок» имел собственный земельный участок, на котором воспитанники разводили коров, лошадей и свиней. Принцип трудового воспитания, обязательного для всех советских детских домов, здесь был выражен наиболее ярко. Девочки сами шили себе одежду, а мальчики чинили обувь. Мастерские и школа составляли единое целое. Разнообразные кружки (музыкальный, шахматный, физкультурный, чертежный, кружок слесарей и столяров, швейниц и чулочниц, фотокружок и др.) отвечали различным интересам ребят. Формой детского самоуправления служил специальный орган – оргком¹⁹.

В то же время слабое финансовое снабжение городка вызвало сокращение расходов на питание и одежду. Недоедание и отсутствие прогулок зимой на свежем воздухе (ввиду недостатка пальто) обусловили распространение среди детей малокровия. Отмечались также не очень хорошие санитарно-гигиенические условия, так как стены помещения были грязными, а кухня необорудованной²⁰. В 1934 г. «Красный городок» испытывал недостаток постельного белья, совершенно отсутствовали простыни и матрацы²¹.

Впрочем, детские дома других городов Саратовского Поволжья выглядели намного хуже. Самыми необустроенными признавались Хвалынский детдом № 2 и Балаковский № 1. Так, воспитанники детдома № 2 г. Хвалынска были «кое-как обеспечены обувью», а помещения его интернатов не отапливались, комнатная температура в спальной комнате равнялась 0°С, вследствие чего «дети дрожали и грелись у печек»²². Теснота и скучен-

ность проживания привели к тому, что на одной кровати нередко спало по 2 ребенка²³. Однако необходимо отметить, что к концу 1930-х гг. на каждого воспитанника этого детдома приходилось платье и пальто, пара нового верхнего и нижнего белья. Кроме того, достаточные запасы бязи и сатина позволяли пополнить количество одежды²⁴. Хвалынский детдом № 3 имел такой низкий уровень преподавательского состава, что, например, один из его воспитателей Спично не мог помочь решить «ученикам 3 класса... задачу по арифметике»²⁵.

Впечатление о детском доме № 1 г. Балаково, как говорилось в одной докладной записке, было «самое жуткое. Скученность в спальнях... грязь, клопы... постельное белье грязное, дети в бане не моются по месяцу»²⁶. Детдом № 1 очень плохо снабжался дровами, ввиду того что горсовет, приняв от него заявку и деньги, не обеспечил их доставку. В помещении детского дома поддерживалась минимальная температура, так как работники часто отапливали его через сутки, а не каждый день, экономя дрова. Недостаток кроватей привел к тому, что 20 детей были вынуждены спать на одной койке по двое. Денежные средства детского дома разворовывались его заведующими. О тяжелом материальном положении детдома знал местный отдел образования, но не принимал никаких мер к его улучшению. В конце 1930-х гг. детдом перестал посещать доктор, так как райздрав не имел в своем распоряжении «свободных» врачей. Изредка осмотр детей проводила приходившая медсестра. Данный факт обусловил антисанитарное состояние детского учреждения, среди воспитанников была очень распространена вшивость. Отсутствие воспитательной работы, ночных дежурств, частая смена заведующих и остального педагогического персонала привели к развитию хулиганства, пьянства, курения и частых драк среди детей. Воспитатели работали лишь до часу дня, после чего дети были представлены сами себе²⁷.

Следует отметить, что государство стремилось дать беспризорным детям трудовые навыки, профессию, чтобы они сами могли зарабатывать себе на жизнь. Трудовое воспитание в детских учреждениях было обязательным. Однако ни отделы образования, ни сами детские дома не уделяли вопросам трудоустройства должного внимания, поэтому отмечались случаи, когда обучавшиеся слесарному делу воспитанники саратовского детдома при устройстве на работу попадали в переплетные мастерские²⁸.

Катастрофичное состояние детских домов вызывало бегство детей. Уличные беспризорники объединялись в преступные шайки, занимались попрошайничеством, бродяжничеством, проституцией.

Таким образом, ввиду тяжелой социально-экономической ситуации детские дома чрезвычайно плохо снабжались дровами, овощами,

одеждой и обувью. Степень оснащения детских учреждений кроватями и другой мебелью оставалась низкой. Голод 1920-х гг. обусловил скудное питание, когда получаемые из центра пайки дробились между детьми. Свой «вклад» в тяжелое материальное положение детских домов внесли и местные органы власти: горсовет, отдел образования, райздрав, собес. Педагогический персонал, работая в трудных условиях и получая низкую заработную плату, зачастую сводил воспитательную работу к полному ее отсутствию. Отмечались случаи грубого обращения с детьми и применение наказаний. Образцовые детские дома, к сожалению, существовали, скорее, как исключение из правила. Впрочем, к 1930-м гг. положение некоторых детдомов улучшилось, налажилось снабжение продуктами и одеждой. Катастрофичное состояние детских учреждений обуславливало бегство их воспитанников, что только увеличивало рост беспризорности.

Примечания

- ¹ См.: *Дорохова Т.* Становление системы социального воспитания в России в 20-е годы XX века // *Нужда и порядок.* Саратов, 2007. С. 409–410.
- ² *Аркина К. Ф.* Несовершеннолетние бродяжки // *Право и жизнь.* 1926. № 6–7. С. 101.
- ³ Там же. С. 100.
- ⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 8.
- ⁵ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.
- ⁶ ГАНИСО. Д. 768. Л. 47.
- ⁷ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 29.
- ⁸ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1119. Л. 60.
- ⁹ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 29.
- ¹⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 28. Л. 236, 183.
- ¹¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 768. Л. 56.
- ¹² Там же. Д. 133. Л. 13.
- ¹³ Там же. Д. 1097. Л. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Дети в голодных местах (От нашего саратовского корр-та) // Правда.* 1924. 17 февраля.
- ¹⁶ См.: *Нам пишут // Правда.* 1924. 16 января.
- ¹⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1119. Л. 63.
- ¹⁸ *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Идеологии и практики социального воспитания в Советской России : повседневная жизнь в детском доме «Красный городок» в Саратове, 1920–1940-е годы // *Нужда и порядок.* Саратов, 2007. С. 425.
- ¹⁹ См.: *На путях к общественному воспитанию детей (Практика работы саратовского Красного городка).* М. ; Л., 1930. С. 8,25,54,76.
- ²⁰ Там же. С.76.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 133. Л. 14.
- ²² Там же. Д. 1119. Л. 71, 72.
- ²³ Там же. Л. 71.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 72.
- ²⁶ Там же. Д. 768. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 4об.–6, 14.
- ²⁸ Там же. Д. 1119. Л. 61.